

Научная статья

УДК 070

EDN [УТККХО](#)DOI [10.17150/2308-6203.2026.15\(1\).24-38](#)

Свобода, ответственность и социальный заказ в журналистике*

Корконосенко С.Г. , Третьякова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Корконосенко С.Г., s.korkonosenko@spbu.ru

Аннотация. В статье затрагиваются свобода и ответственность как фундаментальные категории в теории и практике журналистики. Авторы ставят своей целью осмысление их трактовки и форм проявления в новейшей социальной и профессиональной среде и в особенности в свете социального заказа российской журналистике. Международное сообщество признает свободу слова одним из основных прав человека, и существенной его стороной является свобода массовой информации. При этом социально полезная практика СМИ строится в соответствии с концепцией ответственной свободы печати. Авторы статьи рассматривают нормативное измерение свободы и ответственности применительно к российской журналистике в современном правовом, социальном и профессиональном контекстах. Анализ изменений в действующем законодательстве дает возможность выявить его качественную динамику в последние годы, в частности тенденцию к усилению контроля и повышению уровня ответственности за распространение информации и выражение мнения. Вместе с тем в практике саморегулирования в профессиональной корпорации данные тенденции не находят адекватного отражения. Изучение этических документов разных уровней показывает, что категории «свобода слова» и «независимость» в них встречаются редко и не раскрываются подробно, вопросы ответственности решаются преимущественно путем административно-производственного регулирования в редакциях, а не на основании выработки солидарной позиции в сообществе. Императивы социального заказа журналистике побуждают вносить коррективы в понимание соотношений свободы и ответственности, усиливая акценты на их неотделимости друг от друга. Отчетливое видение необходимых изменений обеспечивается сквозь призму гражданского измерения коллизии. Делая свободный выбор в пользу решения злободневных общественных задач и осознанно включаясь в выполнение социального заказа, журналист снимает противоречие между личной свободой и ответственностью. Какое бы то ни было принуждение извне не дает такого эффекта. Таким образом, при несомненной значимости подотчетности журналиста редакции, корпорации и общественности высшей инстанцией ответственности для него служит он сам.

Ключевые слова. Журналистика, свобода, ответственность, нормативное измерение, гражданское измерение, социальный заказ.

* Материалы обсуждены на XXIX международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2025 г.)».

Финансирование. Публикация статьи профинансирована СПбГУ на основании результатов конкурсного отбора научных мероприятий, рекомендованных к проведению.

Информация о статье. Дата поступления 20 февраля 2026 г.; дата поступления после доработки 2 марта 2026 г.; дата принятия к печати 3 марта 2026 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2026 г.

Для цитирования. Корконосенко С.Г. Свобода, ответственность и социальный заказ в журналистике / С.Г. Корконосенко, О.В. Третьякова. — DOI 10.17150/2308-6203.2026.15(1).24-38. — EDN [VTKKXO](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 24–38.

Original article

Freedom, Responsibility and Social Demand in Journalism**

S.G. Korkonosenko , O.V. Tretiakova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Corresponding author: S.G. Korkonosenko, s.korkonosenko@spbu.ru

Abstract. The article touches upon freedom and responsibility as fundamental categories in the theory and practice of journalism. The authors aim to understand their interpretation and forms of manifestation in the current social and professional environment, and especially in the light of the social demand to Russian journalism. The international community recognizes freedom of speech as one of the fundamental human rights, while freedom of information is an essential aspect of it. At the same time, socially beneficial media practice is based on the concept of responsible freedom of the press. The authors of the article consider the normative dimension of freedom and responsibility in relation to Russian journalism in present legal, social and professional contexts. The analysis of changes in the current legislation makes it possible to identify its qualitative dynamics in recent years, in particular, the tendency to strengthen control and increase the level of responsibility for the dissemination of information and expression of opinion. At the same time, these trends are not adequately reflected in the self-regulation practice in a professional corporation. The imperatives of the social demand to journalism encourage making adjustments to the understanding of the relationship between freedom and responsibility, increasing the emphasis on their inseparability from each other. A clear vision of the necessary changes is provided through the prism of the civil dimension of the collision. By making a free choice in favor of solving pressing social tasks and consciously engaging in the fulfillment of a social demand, a journalist removes the contradiction between personal freedom and responsibility. Any kind of external pressure has no such effect. Therefore, while the journalist's accountability to the editorial office, the corporation and the public is undoubtedly important, he himself serves as the highest instance of responsibility for him.

Keywords. Journalism, freedom, responsibility, normative dimension, civic dimension, social demand.

Funding. The publication of the article was financed by Saint Petersburg State University based on the results of the competitive selection of scientific events recommended for implementation.

**The materials were discussed at the 29th International Scientific and Practical Conference “Journalism of the 21st Century” (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, November 21–22, 2025).

Article info. Received February 20, 2026; revised March 2, 2026; accepted March 3, 2026; available online March 31, 2026.

For Citation. Korkonosenko S.G., Tretiakova O.V. Freedom, Responsibility and Social Demand in Journalism. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2026, vol. 15, no. 1, pp. 24–38. (In Russian). EDN: [VTKKXO](https://www.edn.ru/VTKKXO). DOI: 10.17150/2308-6203.2026.15(1).24-38.

Введение

Свобода принадлежит к числу ключевых и наиболее противоречивых понятий общественных наук. Но при многообразии подходов и трактовок она соотносится прежде всего с сознанием и поведением человека. Исследователи классического философского наследия утверждают, что «свобода немыслима, если не учитывать идею субъекта... Для того, чтобы свобода существовала, должны быть субъекты — те, кто, вдохновленный свободой, способен воплощать ее проявления в мире» [1, р. 2]. В том же плане понимается и сопряженная со свободой ответственность. Известное высказывание Ж.-П. Сартра «Человек свободен, человек — это свобода» [2, с. 323] иногда переводится с французского так: «Человек осужден быть свободным». То есть любая свобода обременительна, поскольку ее обратной стороной является ответственность.

Эти предельно широкие мировоззренческие суждения в полной мере распространяются на журналистику, тем более что она находится под пристальным общественным контролем. Выразительную иллюстрацию предлагают европейские исследователи: если в поисковую систему *Google* ввести фразу «ответственная журналистика», она выдаст 1,51 млн просмотров. Но стоит изменить запрос на «безответственная журналистика», как количество просмотров увеличится почти вдвое, до 2,96 млн. «У журналистики с давних пор есть проблемы с ответственностью» [3, р. 141], — резюмируют авторы. Однако трансляция философских идей в исследование текущей практики прессы может обернуться повторением

моральных сентенций, если не учитываются точные координаты социальной и производственной реальности.

Авторы статьи ставят своей целью осмысление трактовки и форм проявления свободы и ответственности в журналистике в новейшей социальной и профессиональной среде и в особенности в свете социального заказа. Соответственно рассматривается, во-первых, нормативное измерение свободы и ответственности. Анализ изменений в законодательстве дает возможность выявить его качественную динамику в последние годы, в частности тенденцию к усилению контроля и повышению уровня ответственности за распространение информации и выражение мнения. Во-вторых, предлагается взгляд сквозь призму гражданского измерения свободы и ответственности. Представляется, что такой анализ остро необходим именно в связи с выполнением журналистикой социального заказа, который требует от сотрудников редакций сознательного выбора в пользу общественной злобы дня. Гипотетически, в этом свете изменяется соотношение свободы и ответственности, с акцентом на их неотделимости друг от друга.

Нормативное измерение свободы и ответственности в журналистике

При нормативно-правовом подходе к свободе печати каждый журналист свободен пользоваться своими правами и свободами, но права, как и ограничение прав, отражены в законодательстве, регулирующем деятельность СМИ, поэтому быть ответственным — значит, не преступать закон. На первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г.

международное сообщество пришло к признанию свободы слова одним из основных прав человека и «краеугольным камнем всех свобод». Данное базовое положение закреплено в международном праве, в конституциях большинства стран мира и в основополагающих международных актах о правах человека — прежде всего это Всеобщая декларация о правах человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. Свобода слова — общепризнанное право, поэтому формулировки почти одинаковы во всех документах: каждый человек имеет право на свободу убеждений и выражения мнений, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми способами и независимо от государственных границ.

Юридическая наука включает в понятие свободы слова несколько структурных элементов: 1) свобода каждого человека публично выражать свои мысли, идеи и суждения; 2) свобода печати и других средств массовой информации как свобода от цензуры и право учреждать СМИ, позволяющее материализовать свободу выражения мнений; 3) право на получение информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей права граждан, то есть на свободу доступа к источникам информации [4, с. 156]. Все эти элементы содержатся в статье 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу мысли и слова, свободу выражения мнений и убеждений, свободу искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и, наконец, свободу массовой информации.

Одним из ключевых в нашем анализе является понятие «журналистика», которое, вопреки бытующим заблуждениям, не совпадает с понятием «средства массовой информации»: журналистика возможна без СМИ, как и СМИ без журналистики. Если СМИ или массмедиа — форма периодического распространения

массовой информации, то журналистика — это рефлексия по поводу событий и фактов, порождающая сообщение (высказывание, суждение). Желание узнавать что-то новое и делиться этим знанием с другими заложено в природе человека. Журналистика — одна из форм реализации этого желания, а по большому счету — реализации свободы человека мыслить и говорить.

Поэтому выделим из всех информационных свобод самый очевидный аспект свободы слова — свободу выражения мнений, которая относится к личным гражданским правам, поскольку охватывает интеллектуальный, нравственный и духовный опыт человека и раскрывает его индивидуальность. Право на свободу слова и печати как на свободу массовой информации следует отнести скорее всего к политическим правам, которые направлены на участие человека в общественно-политических процессах. Следует заметить, что свобода выражения мнений имеет большое значение не только для индивида, обществу так же необходимы свобода получения значимой информации («право знать») и свобода ее публичного обсуждения и самовыражения.

Массмедиа по отношению к журналистике вторичны, несмотря на то что они имеют решающее значение для осуществления свободы выражения мнений: предоставляют каналы для распространения сообщений и для публичного обсуждения проблем, обеспечивают общественный контроль над работой органов власти, выполняют другие функции. Для редакций массмедиа главной из информационных свобод является свобода от цензуры. Относительно производства и выпуска изданий, возможно, следует говорить не о свободе, а о независимости СМИ — от государственного и политического контроля и влияния, от навязываемой идеологии, от финансовых рисков, от диктата акционеров и учредителей,

от законодательных ограничений и возрастающих штрафов, от давления рекламодателей и общественного мнения и т.д. Чтобы сохранить издание и коллектив, редакциям приходится действовать в предлагаемых обстоятельствах, в то время как отдельный журналист может сделать свободный выбор, даже когда ему этот выбор навязывают, — реализовать свое «право на молчание» в виде отказа от выражения мнения, остаться или уйти (в другое издание или в крайнем случае — из профессии).

Даже в самых крайних случаях у человека остается внутренняя свобода, то есть способность выбирать свое отношение к происходящему. Это самый важный вид свободы для любого человека, а особенно — для журналиста и его творчества. Самостоятельно мыслящие люди интеллектуально свободны, они смотрят, слушают и говорят все, что они считают нужным, и это помогает им реализовать их творческие способности, свободно выбирать темы и создавать оригинальные тексты. Объективная ценность свободы состоит в том, что она является необходимым условием самореализации человека, а субъективно — никто человеку ее не дает, у каждого свободы столько, сколько человек сам хочет иметь.

Свобода журналиста как возможность самовыражения проявляется в его правах, зафиксированных в ст. 47 Закона РФ «О средствах массовой информации» (далее — закон о СМИ) и направленных на осуществление свободы поиска и получения информации из различных источников, свободы распространения информации через различные СМИ и свободы выражения своих мыслей и мнений, в том числе о деятельности органов власти и общественных институтов. Более того, законом предусмотрены и другие аспекты личной свободы журналиста: он может излагать в своих материалах личные суждения и оценки; может распространять их за своей подпи-

сью, под псевдонимом или без подписи; может отказаться от подготовки материала, противоречащего его убеждениям; может снять свою подпись под сообщением, содержание которого искажено в процессе редакционной подготовки; может оговорить условия использования своего материала в соответствии с авторскими правами на этот материал.

Принуждение журналиста к распространению или к отказу от распространения информации (а также цензуру, вмешательство в деятельность редакции, нарушение ее профессиональной самостоятельности, уничтожение тиража и др.) ст. 58 закона о СМИ трактуется как ущемление свободы массовой информации. Принуждение журналиста к распространению либо к отказу от распространения информации является квалифицирующим признаком ст. 144 Уголовного кодекса РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов».

Однако нормативное измерение свободы журналистики к указанным положениям законов не сводится. Право на свободу слова не является абсолютным и может быть ограничено в тех случаях, когда это необходимо для защиты интересов государства и прав и репутации других лиц; ограничения такого рода должны быть установлены законом. Это общепризнанное в мировой практике правило согласуется с концепцией ответственной свободы печати: законодательная власть имеет право издавать законы и тем самым регламентировать рамки свободной деятельности СМИ, бороться против злоупотребления свободой слова.

В современное российское законодательство постоянно вносятся новые запреты с целью защиты государственной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения, а также для уважения прав и репутации других лиц. Информационные свободы ограничивает не только ст. 4 закона о СМИ «Недопустимость

злоупотребления свободой массовой информации», перечни противоправной информации содержатся также в законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — закон об информации) и в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП). Свободу доступа к информации ограничивают законы «О персональных данных», «О государственной тайне» и о других охраняемых законом тайнах.

При этом законодательные ограничения и меры ответственности не должны быть чрезмерными. Например, свобода выражения мнений часто влечет за собой обоснованные и необоснованные диффамационные конфликты. Законом о СМИ предусмотрен порядок урегулирования конфликта публикацией опровержения недостоверных порочащих сведений и компенсацией морального вреда или публикацией ответа героя публикации в случае распространения сведений, умаляющих его законные права и интересы. После внесения изменений в ст. 152 Гражданского кодекса РФ основания для защиты репутации аналогичны и для ответа, и для опровержения. Кроме тройной ответственности за одно нарушение (опубликовать опровержение, опубликовать ответ и возместить убытки или моральный вред) суд может обязать редакцию опубликовать опровержение простой фактической ошибки и обязать редакцию удалить спорную информацию и запретить ее дальнейшее распространение.

Представляется, что указанные положения ГК РФ являются необоснованным вмешательством в осуществление журналистами права на свободу слова. Разумеется, в случае гражданско-правовой диффамации закон должен защищать права истцов, но он должен обеспечивать и защиту интересов ответчиков, а также соблюдать баланс между необходимостью защиты репутации и ценностью свободы слова. То же самое можно

сказать и об уголовной и административной ответственности за клевету, оскорбление и ложные сведения, о наказании журналистов за нарушение охраняемых законом тайн (вместо тех, кто обязан хранить эти тайны в силу служебных обязанностей), об особой защите должностных лиц от словесного оскорбления.

Некоторые неоправданные ограничения вводятся, как представляется, вследствие субъективного отношения к прессе законодателей. Так, в Государственной думе не один раз возникали дискуссии о лицензировании журналистов с тем, чтобы можно было лишить «провинившегося» журналиста лицензии¹, предлагалось ужесточить наказание СМИ за распространение клеветы, внося дополнения еще и в закон о СМИ². Введение в 2020 г. уголовной ответственности за клевету «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных» до сих пор не повлекло за собой судебного правоприменения. Причина проста: если клевета — это «распространение заведомо ложных сведений, позорящих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию», то опозорить неизвестно чьи честь и достоинство и подорвать неизвестно чью репутацию просто невозможно. Похоже, что законодатели стремились ограничить критические высказывания в адрес, например, правительства, депутатского корпуса или полиции и т.п.

Право на свободу слова распространяется и на противоречивые, нелицеприятные и даже шокирующие сведения; кому-то они могут не понравиться, но это не оправдывает ни наказание, ни отказ в выражении мнения. В Декларации

¹ К чему приведет введение лицензий для журналистов: мнения // REX. 2010. 10 нояб. URL: <https://iarex.ru/news/10310.html> (дата обращения 11.02.2026).

² Поправка Шлегеля отклонена. Окончательно // Известия. 2008. 30 июня. URL: <https://iz.ru/news/338132> (дата обращения 11.02.2026).

ции о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой в 2004 г. на заседании Комитета Министров Совета Европы, прямо сказано о том, что общество должно получать информацию по всем вопросам своей жизни, и это предполагает право СМИ распространять негативную информацию и критические мнения о политических деятелях и государственных должностных лицах³. В конце концов, свобода слова нужна для критики больше, чем для комплиментарных высказываний.

И в международной, и в российской судебной практике отмечается, что органам власти и должностным лицам надлежит мириться с более высокой степенью критики в их адрес, чем обычным гражданам. Часто вызывают возражения судей, например, такие положения Декларации «О принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования»: чем выше должностное положение конкретного лица, тем жестче термины, в которых журналисты вправе оценивать его деятельность; пресса вправе указывать на ошибки органов следствия; вправе критиковать пороки судебной системы, обсуждать в СМИ вступившие в силу судебные решения. Цитируемая Декларация Гильдии судебных репортеров — один из многочисленных документов саморегулирования в корпорации, которые создаются самими журналистами с таким меседжем в адрес государства: не вмешивайтесь в дела прессы, не посягайте на наши права и свободы, мы сами будем держать под контролем деятельность СМИ. Если правовое регулирование предполагает ответственность перед законом, то согласно теории социальной ответственности прессы медиа призваны

служить общественным интересам и должны нести ответственность перед обществом, перед государством, перед профессией, перед аудиторией — в соответствии с выработанными стандартами саморегулирования.

Механизм саморегулирования таков: профессиональное сообщество (международные и национальные ассоциации журналистов) устанавливает требования к своим членам в принимаемых актах — преимущественно в кодексах профессиональной этики. В них традиционно определяются самые важные аспекты журналистской деятельности: вопросы независимости, честности, объективности, достоверности информации; запрет плагиата, дезинформации, клеветы и оскорблений, вмешательства в частную жизнь граждан, получения взяток, использования статуса журналиста в корыстных целях и др.

Журналистские организации в российских регионах принимают свои кодексы (хартии, декларации, этические стандарты и т.п.), отраслевые или «тематические» стандарты есть у журналистов, пишущих на определенные темы, например, об экологии, здравоохранении, религии, межэтнических проблемах или праве, как уже упомянутая Гильдия судебных репортеров. Надо заметить, что далеко не все региональные и отраслевые кодексы реально действуют как механизмы саморегулирования. При этом в каждой редакции может быть выработан свой документ, который не только устанавливает нормы профессиональной морали, но и содержит детальные инструкции по методам работы журналиста: по выбору тем, по отношениям с источниками, по проведению интервью и т.д. Такие редакционные стандарты существуют во многих медиакомпаниях, холдингах, редакциях СМИ, и, в отличие от международных, национальных и даже региональных кодексов, они оказываются более актуальными и полезными,

³ Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации : принята Комитетом Министров Совета Европы 12 февр. 2004 г. // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2563417/>.

особенно для начинающих журналистов. У их широкого распространения были причины: отсутствие в современной России профессионального «цеха» с едиными ценностями и представлениями о профессии, недружественные отношения между журналистами государственных и негосударственных СМИ привели к преобладанию административно-производственного регулирования на локальном (редакционном) уровне.

Изучение разнообразных этических документов показало, что категории «свобода слова» и «независимость» в них не используются, хотя встречаются и редкие исключения. Например, кредо редакционной политики издания «Деловой Петербург» формулируется так: «Наша деятельность неотделима от свободы слова». О защите принципов свободы при сборе материалов и публикации новостей говорится в принятой в 2019 г. Международной Федерацией журналистов Глобальной хартии этики; о защите свободы слова, укреплении свободной, независимой и ответственной журналистики — в Медиаэтическом стандарте российской Общественной коллегии по жалобам на прессу. Но все же в целом журналисты, видимо, считают свободу журналистики и независимость СМИ самоочевидными, неоспоримыми и настолько естественными явлениями, что нет необходимости закреплять их в документах, тем более что последние предназначены не для деклараций, а для более или менее конкретных производственных предписаний.

Саморегулирование не противопоставляется государственному регулированию деятельности СМИ, но дополняет и даже отчасти корректирует систему законодательной регламентации. Рассмотрим это на примере понятия достоверности распространяемой журналистами информации.

В документах саморегулирования достоверность сообщаемой информа-

ции провозглашается как важнейшее требование. Приведем цитату из Кодекса профессиональной этики российского журналиста, многократно повторенную в региональных и отраслевых актах саморегулирования: «Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения... Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден». Уточним, что в редакционных стандартах слово «достоверность», как правило, заменяется понятиями «честность», «точность», «правда», «беспристрастность», «объективность», хотя, строго говоря, знак равенства между ними поставить нельзя. Обязанность проверять полученную и предназначенную для распространения информацию обычно не постулируется, чаще всего категория «достоверность» дополняется другими понятиями: «более точная и полная информация о фактах», «разграничение фактов и мнений», «распознаваемость источников», «подтверждение фактов доказательствами». Так с точки зрения журналистов категория «факт» становится едва ли главной для определения понятия «достоверность». И это соответствует технологии создания журналистских произведений. Для реализации журналистом личной свободы выражения мнений ему следует прежде всего собрать факты и выделить из них самые важные, затем найти и зафиксировать доказательства и только после этого выносить суждение по поводу фактов.

Российское законодательство не содержит понятий достоверности или недостоверности информации, распространение недостоверной информации (под этим определением) не входит в перечень противоправной информации и не считается злоупотреблением свободой слова, в уголовном праве используется понятие заведомо ложной информации. Правда, надо заметить, что в период пан-

демии в КоАП РФ была установлена административная ответственность за распространение «заведомо недостоверной общественно значимой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

Хотя законодательного определения категории «достоверность информации» не существует, юристы обычно сводят ее к свойству, при котором информация соответствует объективной реальности [5, с. 187]. Рассматривая диффамационные споры, суды тоже понимают под достоверностью информации доказательства ее соответствия действительности. Поэтому есть логика в том, что закон о СМИ сводит понятие «достоверность информации» к ее проверяемости: журналист имеет право проверять достоверность сообщаемой ему (ст. 47) и обязан проверять достоверность распространяемой им (ст. 49) информации. В законе указаны способы такой проверки: посещение государственных органов и организаций, запрос, доступ к документам, возможность фото- и видеосъемки, посещение специально охраняемых мест стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан и т.п.

В нормативном поле найти баланс между свободой и ответственностью в журналистике непросто. Они тесно переплетаются: ответственность журналистов и СМИ предполагает стремление к максимально полной реализации свободы журналистики, предоставленной законом, а свобода задает журналистам требования ответственного поведения перед государством или обществом.

Гражданское измерение свободы и ответственности в журналистике

Представленный выше нормативный взгляд на концепты свободы и ответственности в журналистике, разумеется, не является единственно приемлемым, и он может быть дополнен другими на-

учно-дисциплинарными или предметно-тематическими подходами. В частности, заслуживает внимания гражданское измерение затронутых понятий, которое, по нашему мнению, актуализируется в условиях социального заказа журналистике и привносимых им детерминантов в жизни общества и практике прессы. Не возвращаясь к детальному описанию социального заказа, представленному в предыдущих публикациях [6, с. 370–371], напомним лишь, что он понимается нами, коротко говоря, как совокупность первоочередных задач, выполнение которых ожидается от прессы в определенной конкретно-исторической ситуации.

В идее общественного служения журналистики и ее подчинения актуальным социальным императивам, разумеется, нет принципиальной новизны. Как отмечается в литературе, в целом тенденции, искажающие сущность журналистики, необходимо анализировать с точки зрения общественного интереса и содействия консолидации общества вокруг значимых целей и решения социально значимых проблем [7, с. 370–371]. Авторы цитируемого труда исследуют противоречивые соотношения эссенции (сущностной основы) и акциденций (второстепенных свойств) прессы. Несомненно, что сквозь призму социального заказа отчетливее и точнее видна эссенция, тогда как всевозможные акциденции уходят на периферию теоретического дискурса и проявления на практике. Говоря конкретнее, вовлеченность в решение задач, продиктованных сегодняшними потребностями общества, — на первом по значимости плане, а вариативность форм, интонаций, производственно-технологических методик — на втором.

Данный постулат имеет силу для всей редакционной деятельности как комплекса нерасторжимых элементов. То есть в его свете решаются также и вопросы свободы и ответственности. Может сложиться впечатление, что про-

порции явно смещаются в сторону долга и обязанностей при принижении доли личной независимости сотрудников СМИ. В этом смысле примечательны материалы экспертных интервью с опытными журналистами, выполненных для исследовательского проекта «Свобода личности в массовой коммуникации». С одной стороны, опытные профессионалы оценивали свободу как «жизненное условие, без которого невозможно добывание и распространение информации»; с другой стороны, в практическом преломлении они рассматривали прежде всего приземленные, внутриведомственные проявления свободы («высокая степень свободы от директивных указаний редактора или заведующего отделом»; «специалиста не должны ограничивать указаниями: пойдешь туда, запиши то, принеси это») [8].

Такое снижение подхода к проблеме до уровня поведения на рабочем месте ожидаемо в разговоре с производственниками и ни в какой мере не заслуживает осуждения. Вместе с тем в силовом поле социального заказа наряду с прагматическими измерителями свободы с неизбежностью должны использоваться мерилы общественного блага и пользы, то есть в известном смысле оценки с точки зрения цели свободного функционирования СМИ. Более того, благодаря журналистике в публичном пространстве распространяются представления о высоком потенциале свободы в реализации актуальных проектов и планов. В упомянутом выше исследовании делался вывод о том, что свой основной вклад в утверждение ценности коммуникационной свободы журналисты вносят как ее носители, она предстает в их произведениях — содержании, смысловой нагрузке, критериях оценки событий, манере общения с аудиторией и т.п. Здесь понятие прессы как влияющего института конкретизируется до влияющего человека прессы [9, с. 301].

Таким образом, пространство личной свободы журналиста не только не сужается, но, напротив, обогащается более высоким содержанием, как возвышается и его роль в общественной жизни. Акцент делается не на журналистике, которая сама по себе, естественно, не обладает качеством субъектности, и не на СМИ, которое представляет собой организационную форму производства и распространения информации, а на личности редакционного сотрудника, потому что именно он делает сознательный выбор в пользу приятия социального заказа и приобщения к его выполнению. Понятно, что в производственной действительности складываются многомерные взаимозависимости между корреспондентами, менеджерами, собственниками и др. И тем не менее «формула» социального заказа в наименьшей степени учитывает директивные указания журналисту извне и в наибольшей степени — понимание им запроса от общества и стремление к его удовлетворению. В идеальном (но отнюдь не идеализированном) варианте возникает гармония интересов журналиста (журналистов) и общества.

В социально-политическом плане мы ведем речь об усилении в сознании и поведении человека гражданского начала. Оно, собственно, всегда присутствовало в практике прессы, открыто или латентно. Нидерландский профессор Марк Деузе в одном из интервью заявил категорически: «Профессиональные журналисты — это идеальные граждане: они включены в социальную жизнь, способны собирать, обрабатывать и распространять большие объемы сложной информации, и они понимают внутреннее устройство общества»⁴. В контексте нашего анализа важны не только и не столько объектив-

⁴ Interview with Mark Deuze, professor of Media Studies // University of Amsterdam. 2016. 2 August. URL: <http://www.uva.nl/en/news-events/news/uva-in-the-spotlight/prof.-mark-deuze/prof.-mark-deuze.html>.

ная включенность в потоки социальной жизни, сколько сознательное отнесение себя к разряду «идеальных граждан». На наш взгляд, точное терминологическое обозначение этой соотнесенности предложено в трудах медиалингвистов — *национально-гражданская идентичность*, которая «не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними, а слово “гражданская” как основное в словосочетании вмещает в себя многоаспектность идентификаций» [10, с. 26]. Самоидентификация по определению есть результат добровольного выбора принадлежности и позиции, и здесь нет места сожалениям об утрате некоторой доли свобод.

Заметим еще раз, что речь идет не о нормативном, а об оптимальном характере взаимоотношений журналиста с социальным миром. Индивид вправе выстраивать их по-разному на свое усмотрение, вплоть до асоциального игнорирования общественной злобы дня. В этом случае он вряд ли сможет рассчитывать на одобрение со стороны общественности, но найдет оправдание в устойчивых стереотипах о безграничной вольнице как родовой черте журналистской профессии. Как ни странно, в этом духе высказываются даже широко известные исследователи: «в свободном обществе журналистика... не имеет каких-то особых обязательств перед государством или любой внешней группой в основном благодаря доктрине “свободы прессы”... Журналисты... могут выбирать самые разные цели и задачи или избегать их. Новостные медиа обычно сопротивляются попыткам предписать им какую бы то ни было роль в обществе, кроме той, которую они выбрали себе сами» [11, с. 35].

В приведенном высказывании, как и в иных ему подобных, происходит резкое размежевание двух взаимосвязанных категорий: «Хотя ответственность

и свобода не обязательно несовместимы, между ними существует внутренний конфликт, всегда готовый выйти наружу» [11, с. 45]. Паллиативное примирение («не обязательно несовместимы») не предлагает конструктивных решений по снятию противоречия, по меньшей мере на уровне личности. Гораздо более перспективной для поведения личности представляется следующая логика: «Социальная ответственность вовсе не исключает свободу, а предполагает ее. Образуется градация диалектических форм взаимоотношений свободы и ответственности... как “свободоответственности”... Попытки игнорировать это общее строгое положение философии ведут к методологической путанице» [12, с. 86].

В социологической литературе используется понятие «инстанция ответственности», которая «осуществляет оценку, контроль, регуляцию деятельности субъекта и налагает санкции в форме похвалы или порицания, одобрения или осуждения» [13, с. 134]. Точное определение такого регулятора и контролера необходимо в теоретическом дискурсе о журналистике, выполняющей социальный заказ. Но в известном смысле еще больше оно необходимо конкретному журналисту, чтобы для него абстракция свободоответственности наполнилась реальным содержанием и не сковывала, а стимулировала успешную деятельность. Распространенный способ рассуждений по данному поводу строится на отсылке к этическим нормам и стандартам: «Ответственная журналистика начинается с непоколебимой приверженности истине. Журналисты обязаны выявлять факты, проверять источники и представлять информацию точно и объективно...» [14]. В качестве инстанции ответственности здесь выступает профессиональное общество, которое, соответственно, озабочено выполнением своего долга перед обществом, общественностью. Однако, во-первых, на практике стандарты не на-

столько прочны и стабильны, чтобы ориентировать на них каждый акт профессионального поведения: «Хотя журналисты могут превозносить определенные идеалы профессии и придерживаться определенных журналистских норм, понятно, что их повседневная практика определяется ролями, которые зависят от контекста и не являются неизменными» [15, р. 33]. Во-вторых, ответственность перед внешними контролерами — кто бы они ни были — далеко не сулит человеку гармоничного мироощущения. Как отмечают психологи, «личная социальная ответственность, основанная на чувстве долга и моральных обязательствах, связана с неуверенностью в себе, склонностью к переживанию чувства вины, ценностью безопасности, потребностью в социальных гарантиях...» [16, с. 62].

Конечно, было бы крайне наивно и неверно отрицать значимость ответственности журналиста перед корпорацией и общественностью. И все же естественным образом напрашивается тезис о том, что высшей инстанцией ответственности для него будет он сам. Для выводов такого рода, в разных сферах деятельности, есть весомое обоснование в философской традиции. Так, исследователи наследия Иммануила Канта подчеркивают, что «на первое место он ставит обязанности “по отношению к самому себе”... Долг человека перед самим собой как перед моральным существом» [17, с. 24]. Трудно было бы найти аргументы для исключения журналистов из зоны действия этого общезначимого постулата. Приближая рассмотрение вопроса к определенной социальной и профессиональной ситуации, мы вернемся

к идеям о том, что журналист делает свободный моральный выбор, когда определяет свою гражданскую идентичность и включается в работу по выполнению социального заказа. Значит, следование этому выбору сопряжено с долгом и ответственностью человека перед собой как инстанцией самоконтроля и профессионального саморегулирования.

Выводы

В качестве общего заключения из проведенного исследования отметим, что категории свободы и ответственности сохраняют свою первостепенную значимость для российской прессы и ее научного осмысления в современных реалиях. При этом характерно, что, с одной стороны, в базовых положениях их реализация надежно и многопланово обеспечена в нормативных документах, с другой стороны, развитие законодательства порождает ситуации, требующие новых корректных решений. Сказанное, в частности, относится к обязательствам прессы и журналистов по отношению к обществу, органам власти и их представителям. В то же время сознательное участие журналистов в выполнении социального заказа до известной степени снимает противоречие между личной свободой и социальной ответственностью, поскольку участие основывается на добровольном гражданском выборе. На личностном уровне профессиональная этика сливается с этикой гражданственности. Так ключевой деонтологический принцип общественного служения прессы наполняется конкретным профессионально-производственным содержанием.

Список использованной литературы

1. Basterrea G. The Subject of Freedom: Kant, Levinas / G. Basterrea. — New York : Fordham University Press, 2015. — 197 p.
2. Rice C. Trust in Media: Relevance, Responsibility, and Epistemic Needs in Divided Societies / C. Rice, M. Taylor // Responsible Journalism in Conflicted Societies: Trust and Public Service Across New and Old Divides / ed. J. Lynch, Ch. Rice. — London : Routledge, 2023. — P. 141–155.

3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм [и др.]; сост. и ред. А.А. Яковлев. — Москва : Политиздат, 1989. — С. 319–344.
4. Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. — Москва : Норма, 1999. — 560 с.
5. Толстик В.А. Достоверность информации как условие качества правовой аналитики / В.А. Толстик. — EDN [AXSJQL](#) // Юридическая техника. — 2024. — № 18. — С. 186–190.
6. Корконосенко С.Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики / С.Г. Корконосенко. — DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(1).5-19. — EDN [OSQKCD](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2025. — Т. 14, № 1. — С. 5–19.
7. Фотиева И.В. Взаимные превращения эссенции и акциденций журналистики в информационно-медийной культуре общества / И.В. Фотиева, Т.А. Семилет. — DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(3).367-382. — EDN [YOUUHO](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 3. — С. 367–382.
8. Корконосенко С.Г. Личная свобода в журналистике: взгляд профессионалов медиа / С.Г. Корконосенко. — EDN [PBBZRP](#) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. — 2012. — № 2. — С. 1–19.
9. Корконосенко С.Г. Свобода личности в массовой коммуникации / С.Г. Корконосенко, М.Е. Кудрявцева, П.А. Слуцкий. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. — 308 с. — EDN [SBGGNE](#).
10. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / О.И. Асташова, Э.В. Булатова, Л.В. Енина [и др.]; под ред. Э.В. Чепкиной. — Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 196 с. — EDN [YLIYTI](#).
11. МакКуэйл Д. Журналистика и общество : учеб. пособие / Д. МакКуэйл. — Москва : МедиаМир, 2013. — 362 с.
12. Омельченко С.В. Понятие «социальная ответственность» в социальной философии: поиск новых подходов / С.В. Омельченко. — EDN [RNXPPO](#) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3. — С. 81–88.
13. Иванова И.В. К вопросу о подходах к изучению категории «социальная ответственность» / И.В. Иванова. — EDN [PIWUJP](#) // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — Т. 1, № 4. — С. 132–135.
14. Bellsnyder S. Opinion: Embracing Responsible Journalism: The Pillar of a Vibrant Society / S. Bellsnyder // The Reporter Statesman. — 2023. — 15 June. — URL: <https://www.reporterstatesman.com/articles/142/view>.
15. Mellado C. Theorizing Journalistic Roles / C. Mellado // Beyond Journalistic Norms: Role Performance and News in Comparative Perspective / ed. C. Mellado. — London : Routledge, 2021. — P. 22–44.
16. Мужичкова Ю.Е. Зависимость факторов личной социальной ответственности от личностных характеристик / Ю.Е. Мужичкова. — DOI 10.12737/10503. — EDN [UMIRLB](#) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2015. — Т. 1, № 17. — С. 62–69.
17. Мееровский Б.В. Грани кантовского гуманизма / Б.В. Мееровский. — EDN [YUQZVP](#) // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. — 1991. — Т. 1, № 16. — С. 22–30.

References

1. Bastera G. *The Subject of Freedom: Kant, Levinas*. New York, Fordham University Press, 2015. 197 p.
2. Rice C., Taylor M. Trust in Media: Relevance, Responsibility, and Epistemic Needs in Divided Societies. In Lynch J., Rice Ch. (eds.). *Taylor Responsible Journalism in Conflicted Societies: Trust and Public Service Across New and Old Divides*. London, Routledge, 2023, pp. 141–155.
3. Sartre Zh.-P. *L'existentialisme est un Humanisme*. Paris, Les Editions Nagel, 1946. 141 p. (Russ. ed.: Sartre Zh.-P. Existentialism is humanism. In Nitsche F., Freid Z., Fromm E. [et al.]; Yakovlev A.A. (eds.). *Twilight of the Gods*. Moscow, Politizdat Publ., 1989. P. 319–344.).
4. Lukasheva E.A. (ed.). *Human Rights*. Moscow, Norma Publ., 1999. 560 p.
5. Tolstik V.A. Reliability of Information as a Condition for the Quality of Legal Analysis. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2024, no. 18, pp. 186–190. (In Russian). EDN: [AXSJQL](#).

6. Korkonosenko S.G. The Concept of Social Demand in the Theory and Practice of Journalism. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 5–19. (In Russian). EDN: [OSQKCD](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2025.14(1).5-19.

7. Fotieva I.V., Semilet T.A. Mutual Transformations of the Essence and Accidents of Journalism in the Information and Media Culture of Society. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, vol. 12, no. 3, pp. 367–382. (In Russian). EDN: [YOUUHO](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(3).367-382.

8. Korkonosenko S.G. Personal Freedom in Journalism: A Media Professional's Perspective. *Aktual'nye innovatsionnye issledovaniya: nauka i praktika = Current Innovative Research: Science and Practice*, 2012, no. 2, pp. 1–19. (In Russian). EDN: [PBBZRP](#).

9. Korkonosenko S.G., Kudryavtseva M.E., Slutskii P.A. *Personal Freedom in Mass Communication*. Saint Petersburg, SPBGETU «LETI» Publ., 2010. 308 p. EDN: [SBGGNF](#).

10. Astashova O.I., Bulatova E.V., Enina L.V. [et al.]; Chepkina E.V. (ed.). *Problems of Russian People Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the 'Information Warfare' Concept*. Moscow; Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2017. 196 p. EDN: [YLYTJ](#).

11. McQuail D. *Journalism and Society*. Los Angeles, SAGE, 2013. 244 p. (Russ. ed.: McQuail D. *Journalism and Society*. Moscow, MediAMir Publ., 2013. 362 p.).

12. Omelchenko S.V. Concept of “Social Responsibility” from Social Philosophical Aspects: Searching for New Approaches. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2021, no. 3, pp. 81–88. (In Russian). EDN: [RNXPOO](#).

13. Ivanova I.V. To the Question on Approaches to Study the Category “Social Responsibility”. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, vol. 1, no. 4, pp. 132–135. (In Russian). EDN: [PIWUJP](#).

14. Bellsnyder S. Opinion: Embracing Responsible Journalism: The Pillar of a Vibrant Society. *The Reporter Statesman*. 2023. 15 June. Available at: <https://www.reporterstatesman.com/articles/142/view>.

15. Mellado C. Theorizing Journalistic Roles. In Mellado C. (ed.). *Beyond Journalistic Norms: Role Performance and News in Comparative Perspective*. London, Routledge, 2021. P. 22–44.

16. Muzhichkova Yu.E. The Dependence of the Factors of Personal Social Responsibility by Personal Characteristics. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2015, vol. 1, no. 17, pp. 62–69. (In Russian). EDN: [UMIRLB](#). DOI 10.12737/10503.

17. Meerovskii B.V. *Facets of Kantian Humanism. Kantovskii sbornik: mezhvuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov = Kant's Collection: An Inter-University Thematic Collection of Scientific Papers*, 1991, vol. 1, no. 16, pp. 22–30. (In Russian). EDN: [YUQZVP](#).

Информация об авторах

Корконосенко Сергей Григорьевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, s.korkonosenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-2133>, SPIN-код: 4182-8447, Scopus Author ID: 56440235500, ResearcherID: I-7782-2013.

Третьякова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, o.tretiakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-6756>, SPIN-код: 5564-3357, ResearcherID: AAK-6808-2020.

Authors Information

Sergey G. Korkonosenko — D.Sc. in Political Science, Full Professor, Head of the Department of the Theory of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, s.korkonosenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-2133>, SPIN-Code: 4182-8447, Scopus Author ID: 56440235500, ResearcherID: I-7782-2013.

Olga V. Tretiakova — D.Sc. in Political Science, Professor, Department of Theory of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, o.tretiakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-6756>, SPIN-Code: 5564-3357, ResearcherID: AAK-6808-2020.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.